Лили и запретная магия

Автор:
Холли Вебб

Лили и запретная магия

Холли Вебб

Тайны волшебников

Лили живет в огромном старом особняке на острове. Людей там немного, только семья девочки и несколько слуг. Раньше семья Лили была богата и известна, но потом королева запретила магию и им пришлось спрятаться.

В один ужасный день Лили узнает, что на ее старшей сестре Джорджи лежит заклинание – из страшного, запретного раздела магии. Кто заколдовал Джорджи? Неужели кто-то из родных – ведь других волшебников на острове нет? И что теперь делать Лили? Как спасти сестру?

Холли Вебб

Лили и запретная магия

© Самохина Т., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

Лили посмотрела на воду. Было раннее утро – точное время девочка не знает, но когда она выбежала в заднюю дверь дома Меррисот, служанки только-только начали топить печь. Лето в самом разгаре, солнце уже нещадно палит и сверкает на водной ряби. Плотный серебристый свет, казалось, разрезал морскую гладь ровной тропинкой – такой реальной, что Лили хотелось ступить на нее и пройтись дальше. Она уже подняла ногу, совершенно забыв, что может упасть в воду, как вдруг Питер с отвращением фыркнул, удивившись ее глупости, и схватил девочку за локоть.

Лили помотала головой и обернулась на мальчика. Он скрестил руки и рассматривал ее, наморщив нос, будто сдерживая хохот. Лили бросила на него недовольный взгляд:

– Что? Я просто играла!

Она вздохнула, села на горячие камни и раскрыла книгу. Большой фолиант с упражнениями по волшебству, который Лили нашла в стенном шкафу, был слишком сложен для ее понимания, но она все равно пыталась читать книгу. Она должна это понимать! В конце концов, ее родители – маги. Сестра тоже одаренная волшебница. Почему же у Лили не получается просто отрастить ногти? Она выставила пальцы, посмотрела на ногти, но те, короткие, широкие и грязные, расти не хотели. Лили опять грустно вздохнула и посмотрела на воду – красивый пейзаж снова отвлек ее от учебника.

С этого угла сияющая тропинка оказалась простым солнечным лучом на поверхности воды, а материк на горизонте выделялся темным пятном, не более.

– Дорожка была как настоящая, правда ведь? – тихо спросила девочка у Питера. – Интересно, как там, на той стороне?..

Питер отвернулся и пошел к дому. Лили вздрогнула от злого звяканья гальки под его ногами. Иногда она забывала, что мальчик родился не тут, где она, а на материке и отлично с ним знаком – не надо было ему ни о чем напоминать.

Она вскочила на ноги и пошла за ним к утесу, на котором стоит ее дом. Наверное, Питера уже ищут. Крепкий и сильный мальчик легче и быстрее Лили забрался по дорожке, повернулся и помахал, а потом побежал по лужайке. Девочка не собиралась его догонять – будет плохо, если их увидят вместе.

Питеру не полагается тратить время на прогулки с «этой дрянной девчонкой». Лили сама слышала, как вчера кухарка миссис Портер так ее назвала.

Девочка медленно брела в высокой траве, срывая одуванчики. Она дула на их головки, и семена разлетались на ветру. Интересно, как далеко они могут улететь? Они слишком тяжелые, чтобы улететь в светлое небо, но, может, смогут осесть где-нибудь далеко-далеко – и там, за морем, распустятся одуванчики из Меррисот.

С руками, полными одуванчиков, на которые она попеременно дула, девочка подошла к дому и вдруг резко остановилась, затаив дыхание. Солнце спряталось и больше не грело.

Из-за угла дома показался женский силуэт, так быстро, что создалось впечатление – он просто появился из ниоткуда.

Лили с трудом выдавила из себя улыбку и кивнула, хотя тело охватило дрожь. Женщина в черном платье вежливо поклонилась и отошла, давая девочке дорогу. Именно так и должна была поступить личная горничная, ведь Лили – дочь хозяйки, но что-то тут не так. Быстро забежав за угол, девочка все еще чувствовала на себе продолжительный взгляд Мартины.

Лили всегда ее боялась, но не знала почему. Возможно, из-за черной одежды – служанка носит только этот цвет. Черное шерстяное платье – летнее и зимнее, вуаль и перчатки – даже дома, не только на улице. Другие слуги к этому давно привыкли, хотя постоянно говорят про странные привычки Мартины, которая уже много лет служит у матери Лили.

Тропинка за углом ведет прямо к задней части дома, на кухню, но Лили вжалась в стену: спряталась в тени, пытаясь отдышаться. Обычно она не такая трусиха, но Мартина застала ее врасплох. Девочка глотнула воздух, почувствовав головокружение, и побежала на кухню – там тепло, светло и есть с кем поговорить – какая-никакая, но компания.

Хотя миссис Портер снова ругалась, на кухне царила приветливая атмосфера, по крайней мере, Лили тут чувствовала себя спокойнее, чем на улице. Девочка виновато потупилась, когда поняла, на кого кричит миссис Портер – на Питера: его долго не могли найти.

– Ленивый никчемный мальчишка! У нас дрова закончились, а он шляется без дела! Мне еще завтрак для мадам готовить – французские тосты подавай им, видите ли! – а у нас дров нет! Где ты был?

Питер с глупым видом пожал плечами. Притворяться дурачком иногда очень полезно – и в этом Питер мастер.

– А вы, мисс, чего это прячетесь за углом? – Внезапно миссис Портер развернулась. – Вы что, привидение увидели?

Две молоденькие служанки, что сидели за столом и пили чай, одновременно вскрикнули и в ужасе уставились на Лили.

– Мисс Лили, это правда? Вы увидели привидение? – спросила Виолетта, побледнев.

– Ничего она не увидела, что за ерунда, – прошептала Марта, но продолжила осматривать темные уголки кухни.

– Я увидела не привидение, а Мартину. – Лили покачала головой. – Это было неожиданно… – добавила она, понимая, как глупо звучат ее слова.

Миссис Портер презрительно фыркнула:

– Неожиданно было бы, мисс Лили, если б вы не совались по утрам на кухню и не отвлекали по пустякам мальчишку, особенно когда он мне нужен!

– Извините… – прошептала Лили и отступила к двери.

Миссис Портер нахмурилась и посмотрела на маленькую записку, написанную острым почерком, что лежала на чистом деревянном столе. Это почерк мамы. Лили уже несколько недель избегала встречи с ней; кажется, слуги тоже начали понимать, какой у нее скверный характер. Лили даже показалось, что замерцал воздух, наполненный неистовой магией, которая коснулась души каждого на кухне.

– Стоять! – Миссис Портер бросила в руки Лили старую салфетку, а потом приказала Марте положить туда хлеб с сыром. – Вот теперь можете идти наверх. Там ваше место!

Как можно скорее Лили выбежала с кухни. Когда мама требует на завтрак что-то изысканное и необычное, миссис Портер может швырнуть в Марту фарфором, так что лучше не попадаться кухарке под руку.

– Мисс! Мисс Лили! – послышался шепот Марты, когда Лили бежала по темному коридору подальше от комнат прислуги. Девочка быстро повернулась.

– Марта, что такое? У мисс Портер плохое настроение, не попадайся ей на глаза!

– Вот, возьмите. Вы не протянете на одном только хлебе да сыре, – и она дала девочке горсть печенья и яблоко, завернутые в тканевую салфетку, и поцеловала Лили в щеку. – Не заходите на кухню, хорошо? У старой драконихи вот-вот снова случится припадок. Мадам постоянно недовольна, мистеру Фрэнсису вчера за ужином не понравился кролик. – Марта хихикнула. – Он на кухню сегодня даже не зашел, спрятался в кладовой и сидит там, говорит – подсчитывает, сколько в доме серебра. Смешной тут дворецкий.

Лили обняла Марту.

– Хорошо, буду держаться от кухни как можно дальше! Пообещай мне, что, как только увидишь, что кухарка взялась за сковородку, сразу спрячешься!

Она помахала Марте и, довольная, откусив яблоко, побежала дальше. Девочка направлялась в оранжерею – о которой все в Меррисот забыли. Когда-то это была прекрасная стеклянная оранжерея с фонтаном и маленьким камином, который разжигали, чтобы деревья не замерзли, но все они давно засохли, а в фонтане остались только сухие листья. Отличное место, чтобы спрятаться!

* * *

Лили потерла рукой рисунок, сделанный древесным углем. Не очень-то у нее получилось. Картинка не похожа на настоящую. Девочка вздохнула, обхватила колени под старым грязным платьем и стала размышлять, почему же у нее снова

ничего не вышло. Она заметила несколько пятен на платье и попыталась стереть их с бело-голубого ситца. Пятно сильно въелось – получается, это не уголь. Платье уже ей коротко и едва прикрывает колени, а пуговицы почти отваливаются. Лили нужно новое платье, но тогда придется просить маму…

Еще не время.

Весь дом кипит от гнева – намного сильнее, чем утром. Лили не знает, что произошло, но немногим ранее, когда она вышла из оранжереи, по коридору пронеслась ее мать, чье золотое шелковое платье сердито шелестело по полу. Когда мама злится, она напоминает разъяренный линкор. Девочка быстро спряталась за углом – и как раз вовремя. Лучше не попадаться маме на глаза, пусть она крушит все в доме. Бледнолицая, она шептала себе под нос такие страшные, сильные слова, что они будто стояли у Лили перед глазами. Она хотела предупредить Джорджианну, но они с сестрой не виделись уже много недель. Возможно, та в библиотеке. Мама как раз идет оттуда, а Джорджианна, наверное, занимается.

Иногда Лили чувствовала зависть к сестре – ведь она очень умная, даже особенная, но эта зависть длилась в прямом смысле слова не более секунды. За последние несколько месяцев обида совсем прошла. Лили не хотелось, чтобы мать уделяла ей так же много внимания, как сестре, – даже половины этого внимания слишком много. В том, что она младшая дочь и поэтому не такая интересная, есть и свои плюсы – плюсы, которые не могли испортить ни короткие платья, ни ужины на кухне.

Например, никаких занятий.

Джорджианна постоянно что-то учит – и у Лили промелькнула мысль, что у сестры не все хорошо получается, поэтому мать такая злая. Джорджи должна стать очень могущественной волшебницей. Провидица, которую родители вызвали на остров, когда родилась Джорджианна, клялась, что она – та самая, кого так долго ждали волшебники. Именно она должна восстановить справедливость в мире, где магия вне закона, а семья Пауэров – в изгнании.

Мать не стала снова вызывать пророчицу, когда после Джорджианны появился совершенно не нужный никому ребенок. Да и зачем, если у них уже есть замечательная малышка Джорджи? До Лили никому не было дела. Девочка

улыбнулась одним уголком губ. Куда проще быть младшей сестрой гения, когда у этого гения не все ладно, как сейчас.

Но улыбка вмиг улетучилась. Если, конечно, мама злится именно из-за Джорджи…

Лили вдруг почувствовала голод. Она выглянула из окна в сад – солнце было высоко. Время обеда. Девочка оставила салфетку с едой на подоконнике и с надеждой туда взглянула – да, Лили сильно хотела есть, но неужели от хлеба и сыра совсем ничего не осталось? Но последние крошки на угрюмо-пустой салфетке доедала серая мышка. Когда та поняла, что на нее смотрят, застыла на мгновение, а потом юркнула в дырочку в стене.

Лили поежилась. Во всем доме Меррисот, даже в оранжерее, много мышей. Мамины кошки слишком гордые и избалованные, чтобы их ловить, поэтому мыши расселись по всем комнатам, кроме библиотеки. Лили уверена – ни одна мышь не рискнет сунуть туда носик.

Лили спиной почувствовала движение и в ужасе обернулась. Но это уже была не мышка. На угольном рисунке с глупым видом сидела бурая лягушка.

Девочка улыбнулась. Она терпеть не может мышей – из-за голых розовых хвостиков, но, как это ни странно, лягушки всегда казались Лили забавными и очаровательными. В начале недели они буквально наводнили собой оранжерею – девочка искренне надеялась, что они тут прочно обоснуются.

Ошарашенная лягушка сидела прямо на рисунке себя самой – или одной из многочисленных сестер. У Лили не получилось правильно нарисовать лапки, из-за чего она сильно расстроилась. Магия случается там, где нет ошибок. «Возможно, – думала она, – все получится в следующий раз».

Сначала ей показалось, что это все выдумка и никакой лягушки тут нет – это игра света или тень от старых виноградных лоз, напоминающих пальцы, которые растут прямо на разбитом окне и уходят ввысь на крышу. Они преломляли, извивали и скручивали лучи солнца.

Автопортрет Лили – грязноватый рисунок девочки с кудрявыми коричневыми волосами и маленьким носом, казалось, улыбнулся и повернул голову, будто

собираясь что-то сказать.

Она уставилась на рисунок, сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Неужели это наконец произошло? На долю секунды мягкие черные линии уплотнились и ожили, окрасив розовым цветом потрескавшуюся терракотовую плитку, на которой рисовала Лили.

Девочка сидела на холодном полу рядом с рисунком и долгое время пристально смотрела на него, пока угольную картинку не поглотила тень. Второй раз чудо не произошло – наверное, все же Лили померещилось. Хотя рисунок был как живой… На секунду в оранжерее что-то появилось. Точнее, кто-то.

С надеждой и страхом одновременно Лили ждала, что будет дальше. Кажется, у нее начало получаться колдовать. Ей десять лет, уже пора учиться использовать магию. Ее знания о волшебстве слишком поверхностны, несмотря на то что все в семье – маги. Лили же знает лишь отрывки заклинаний и немного теории. У нее есть несколько старых учебников, но, даже читая их, она обычно пропускает скучные абзацы.

Любимая книга Лили – старинное издание «Превосходное пособие Прендергаста для подмастерьев магов», на форзаце которого много лет назад ее отец детской рукой вывел свое имя – Пэйтон Пауэр. Учебник был засунут вверх ногами на полку в шкафу в пыльной спальне для гостей, сейчас же его как зеницу ока берегла Лили. Она часто проводила пальцем по имени отца, думая о нем.

Девочка его совсем не помнит. Когда ей было всего несколько месяцев, его арестовали за выступления против Декрета королевы о запрете магии – именно он объявил вне закона магию и магов. Удивительно, что волшебников держат в тюрьме, ведь все понимают, что они могут разорвать цепи, разрушить стены, превратить стражников в камень, но у Королевской стражи (она пишется именно так, с заглавной буквы, как Декрет) как-то это получилось. Вот и отец Лили тоже сейчас в заточении на материке. Девочка же надеялась, что какими бы способами у отца ни отобрали магию, ему не причинили вреда.

Возможно, когда-нибудь она его найдет. Не совсем понятно, как именно, ведь мать никогда не покидает Меррисот, но ведь это не означает, что Лили тоже должна провести тут всю жизнь, верно? Однажды она встретит других магов – Феллов, Уэзерби, Эндикотт, они обучат ее искусству магии, и Лили узнает много

невероятных заклинаний, научится летать, разговаривать с птицами, выпрямлять свои дурацкие кудряшки…

Но нет. Сейчас никакой магии. Ее тщательно прячут в домах вроде Меррисот, где потомственные семьи магов притворяются, что отказались от волшебства, а на деле обучают ему своих детей. Или не обучают, такое тоже бывает. Если Лили выберется с острова, магии в ее жизни больше не будет. По крайней мере, ей будет запрещено ею пользоваться, иначе девочка окажется за решеткой.

В любом случае, если верить мистеру Прендергасту, десятилетний волшебник уже должен уметь бороться с магическими тварями и выполнять «простые заклинания». Например, соткать в воздухе из света золотые буквы – чье-нибудь имя. Только вот у Лили не получается даже это.

Наверняка Джорджианна творит эти вещи с колыбели. Сейчас ей двенадцать, и она пользуется куда более сложными заклинаниями – именно поэтому Лили больше не видит сестру. И пусть быть сестрой Джорджианны очень трудно, Лили все равно ее сильно любит. Когда Джорджи была маленькой, мать часто отправляла ее изучать заклинания или историю – что-то вроде «какой же могущественной была семья Пауэров, пока Декрет королевы не приравнял магию к преступлению». Но после занятий Джорджи всегда возвращалась к сестре. Лили же в это время слонялась по кухне и надоедала Марте и другим служанкам. Именно здесь, на кухне, Лили научилась читать. Начала она со старой потрепанной, но бесценной рукописной книги рецептов миссис Портер. Когда у кухарки было хорошее настроение – а происходило это, только если вытяжка работала хорошо, она разрешала Марте вылепить из теста буквы для Лили. Правда, часто дул восточный ветер, попадал в трубу и разжигал печку, из-за чего хорошее настроение миссис Портер улетучивалось.

Писать Лили научилась чуть позже, когда в доме появился Питер. Он немногим ее старше и в то время был единственным ребенком на острове, кроме Лили и Джорджи. Конечно, девочке хотелось с ним разговаривать. Но Питер с ней не разговаривал, даже ее не слушал.

Однажды он просто появился на пляже – замерзший и голодный, сидел на камнях. Марта как раз пошла к пристани, чтобы забрать у бакалейщика товары с материка, и вдруг увидела его. Лодка с провизией всегда приплывала рано утром, когда в доме все еще спят. Отказываться от денег живущих в поместье Меррисот никто не собирался, но саму семью все считали очень странной, знали,

кто они такие, но никто не решался сказать об этом вслух. Ведь неизвестно, что они могут сделать. Особенно эта бледная девочка, похожая на привидение, о которой дома так сильно заботятся. Она иногда шла на утес и смотрела на море. Рыбаки говорили: «На материк смотрит». А вдруг она прыгнет в воду, превратится в русалку и приплывет к материку?

Марте же нравилось повторять эту историю – как она шла по утесу и размышляла о своем. Лили же казалось, что «о своем» – значит о младшем лакее Сэме. Марта собиралась выбиться в люди и держала Сэма на коротком поводке.

Служанка шла к лодкам, чтобы забрать корзинки с едой, вся в мыслях, и вдруг краем глаза заметила движение. Сначала ей показалось, это тюлень – но потом он встал во весь рост, и Марта застыла на месте, не в силах даже закричать – так была напугана, по ее собственным словам. На этом моменте Питер закатывал глаза – Лили сама видела. Наверняка Марта еще как вопила – на всю округу, она все время кричит, даже когда просто видит мышку.

Конечно, она привела его домой – больше ничего не оставалось. Меррисот – единственный дом на острове, а все его обитатели либо тут родились, либо их прислали сюда из сверхсекретного агентства по найму. Марта и другие девочки подписали контракт на много лет вперед – только после этого отправились на лодке на остров. Они обещали работать здесь до конца жизни и согласились, что их письма будут прочитывать. За это они получали огромную заработную плату.

Итак, одну корзинку на кухню занесла Марта, а вторую – молчаливый ребенок. Когда они появились у двери, Лили была на кухне – выпрашивала завтрак. Она с удивлением на них посмотрела – в конце концов, девочка никогда не видела мальчика да и вообще других детей, кроме Джорджианны.

Миссис Портер, кажется, была готова запустить в Марту тестом, которое она замешивала.

– Что это такое? – возмутилась она. – Я отправила тебя за рисом и фазаном. Хочешь, чтобы я поджарила этого тощего паренька?

Марта поставила корзинку на пол и приготовилась спорить. Она никогда не боялась миссис Портер.

– А что, по-вашему, мне оставалось делать? Оставить его на съедение тюленям? К тому же мы принесли еду – вот она, в корзинках, одну из которых нес он!

– Откуда он взялся? – удивился дворецкий мистер Фрэнсис. Он сидел за столом и пил чай, его жилет был расстегнут. Дворецкий посмотрел на корзинку в руках мальчика. – Помните газеты? Его могут хватиться в любую секунду! – И поманил Питера к себе. Тот прошел мимо Лили, не глядя на нее.

Дворецкий неотрывно смотрел на мальчика, который не выпускал корзинку из тонких пальцев. Он был куда меньше Лили – по крайней мере, худее; щеки ввалились. Волосы – темные и жесткие, а светло-серые глаза меняли цвет, как морская вода, из которой Питер и появился.

– Откуда ты, мальчик? – спросил мистер Фрэнсис, рассматривая ребенка. – Можешь поставить корзинку.

Мальчик ничего не ответил. И корзинку не поставил. Он просто стоял.

– Мистер Фрэнсис, я уже спрашивала, он ни слова не сказал, – вставила Марта. – Не уверена, что он нас слышит.

Дворецкий нахмурился и указал рукой на стол, призывая Питера поставить туда корзинку. Мальчик сделал, как ему велели, а потом потер замерзшие руки.

– Говорить он не может, но он не глупый, – тихо сказал мистер Фрэнсис. – Придется нам его оставить тут. В море он не был; я вот подумал – может, из рыбацкой лодки выпал, но нет – одежда сухая, соляных разводов нет. Наверное, его просто бросили. Не захотели возиться с немым парнишкой… – Он покачал головой.

– А нам-то что с ним делать? – миссис Портер сложила руки. – Не хватало мне еще одного бесенка на кухне, и так шума полно.

Лили с упреком посмотрела на кухарку, но потом спрятала ноги под стул, будто надеясь уменьшиться.

– Он может мыть посуду. Или пол. Если захочешь, будет расставлять мышеловки. Никто и слова не скажет, ведь он никому не нужен… – Мистер Фрэнсис пожал плечами.

Когда дворецкий это сказал, Лили вздрогнула. Как же хорошо, что мальчик не слышит, что о нем говорят!

Миссис Портер манерно вздохнула.

– Мисс Лили, где та грифельная доска, которую Виолетта нашла для вас в детской? Узнаем, умеет ли он читать.

Лили взяла доску с полки кухонного шкафа, где та лежала вместе с резными деревянными блюдами. Служанка Виолетта, что сейчас разводит огонь наверху, просто в ужасе, что Лили не умеет писать. Она вечно говорит, что всех деревенских детей отправляют в школу инспекторы народного образования. Иногда она находит свободные минутки и учит Лили, но больших успехов девочка пока не добилась. Поэтому, как только она слышит у лестницы голос Виолетты, сразу убегает с кухни.

Миссис Портер вырвала доску из рук Лили – тесту как раз надо подняться – и нацарапала на ней: «Твое имя?» – а потом пихнула доску в руки мальчика.

Тот прищурился и вытащил из кармана жилета смятый порванный листок бумаги. На нем было лишь одно слово – Питер.

Миссис Портер угрюмо кивнула и подтолкнула в его сторону тарелку с хлебом и маслом, что нарезала Марта.

– Пусть сначала поест что-нибудь, – сказала она и подумала, что стоит объяснить такую щедрость. – А то, боюсь, он не дотащит до дома и бревнышка, переломится по дороге.

В тот день Лили буквально загорелась желанием научиться писать – ее почерк трудно назвать каллиграфически красивым, как у Виолетты, но даже того, что могла нацарапать Лили, хватало, чтобы позвать Питера полазить по деревьям, поиграть в фруктовом саду или пускать по воде камешки. Правда, свободного

времени на игры у Питера было очень мало – все в доме подсовывали ему разные странные поручения, отказаться от которых он просто не мог. Иногда, чтобы поиграть с мальчиком, Лили приходилось самой делать за него какие-то дела. Она уже научилась рубить дрова, полоть огород, чистить серебро (правда, когда никто не видит). Питер читал по губам – когда хотел – или если человек говорил, прямо глядя на него, но записки оставались самым простым способом общения.

Лили вздохнула и посмотрела на темные пятна на полу оранжереи и на собственных пальцах. Сегодня рисунок получился не лучше ее почерка. Девочка обмакнула старый лоскут в лужицу, что натекла на пол, и потерла кафель. Потом уставилась в одну точку, размышляя, что бы ей еще нарисовать. Лягушки точно не получатся, решила она, ведь они не будут долго ей позировать. К тому же, если картинка вдруг оживет, как ее автопортрет, – зачем ей еще одна лягушка? В оранжерее их уже предостаточно. Но больше срисовывать было не с чего – надо рисовать по памяти. Лили думала было начать второй автопортрет, но потом поняла, что и вторую себя она тоже не хочет. Было бы странно и скучно разговаривать сама с собой, для этого лучше подойдет какой-нибудь незнакомец.

Вдруг девочке в голову пришла идея, и Лили улыбнулась. Она вспомнила картину, что висит в коридоре между библиотекой и гостиной – она была там, кажется, всегда. На картине изображена красивая девушка – Лили всегда казалось, что ее волосы, украшенные бантиками, обычно пушатся непослушными кудряшками, как у нее самой. На коленях девушки сидит мопсик – и ему, похоже, не терпится поскорее соскочить с картины и убежать куда-нибудь с кисточкой в зубах.

Чуть прикрыв глаза, Лили начала рисовать лицо девушки – жаль, она не знает ее имени. Наверняка они родственники – и поэтому у обеих такие непокорные кудри. Хотя картина в коридоре очень старая. Лили посмотрела на круглые смешливые глаза, которые только что нарисовала, и поежилась. А вдруг магия сработает, но девушка оживет в образе старухи?

Лили посмотрела на уголь и вздохнула, а потом принялась рисовать мопса. Все равно у нее ничего не получится, так что какая разница…

Прорисовывать пушистую шерсть собаки оказалось трудно. Глаза у нее – большие и блестящие, а мордочкой она похожа на милую пожилую леди. Лили рисовала и стирала, потом снова рисовала, пытаясь вспомнить старинную

картину. Затем остановилась и начала работать над кружевным платьем девушки – платье красивое, светло-розовое, шелковое. «Наверное, у нее есть платья на каждый день недели. А то бы она не стала держать на коленях собаку!» – подумала Лили. Черные коготки чуть задели шелк, и девушке надо было быть очень аккуратной, чтобы его не порвать.

Рисунок собаки все равно не удавался, хотя Лили немного перерисовала мордочку – в другом ракурсе. Надо сделать чуть круглее и добавить легкую улыбку – может, сработает?

Расстроенная Лили положила уголь на пол и прислонилась к стене. В глазах появились слезы, и она вытерла их рукавом. Ну и чего она плачет? Каракули – да и только, они ее слез не заслуживают.

Мышка цокнула коготками по кафелю. Лили вздрогнула и взмахнула юбками, чтобы ее спугнуть. Она крепко сжимала в пальцах уголь, потом вздохнула – что ей делать дальше? Попробовать дорисовать собаку или стереть весь рисунок?

Так, стоп. Каким образом уголь попал ей в руку? Просто закатился в ладонь? Лили посмотрела на темные маленькие следы на рисунке, и пальцы еще сильнее сжали уголь. Он с хрустом разломился.

Она взглянула на пол, где рядом с ее коленками сидела собака и с упреком рассматривала девочку.

«Хочешь сказать – я поймала уголек и принесла его тебе обратно, чтобы ты его сломала?» – было написано на ее мордочке.

Глава вторая

– Получилось! – воскликнула Лили, глядя на черную собачку. – У меня получилось!

Взгляд мопса был серьезен.

– Ты же настоящая, правда? – прошептала девочка и протянула руку.

Собака посмотрела на дрожащие пальцы и вдруг бросилась к Лили. Девочка вздрогнула, а потом громко засмеялась – мопсик ее лизнул. Его язык был такого же странного фиолетового оттенка, как и на картине, – он всегда казался Лили неправильным, ненастоящим.

– Интересно, у всех собак языки фиолетового цвета или только твой, потому что ты сошла с картины? – спросила она и нахмурилась. Как будто это важно! – Думаю, ты щенок, еще совсем маленькая. А ты навсегда останешься щенком?

Собака задумчиво повернула голову сначала в одну сторону, потом – в другую и закатила глаза. Очень ясный отрицательный ответ. Вдруг она увидела салфетку на подоконнике, подбежала к ней и осторожно обнюхала, потом разочарованно посмотрела на Лили.

– Здесь много мышей, – предложила девочка. – Хочешь толстенькую мышку?

Мопс с отвращением фыркнул. Лили нахмурилась – ясно, собака ее понимает. Наверное, это неудивительно. По крайней мере, не удивительнее того, что собака вышла из простого рисунка, сделанного девочкой.

– Кажется, не хочешь. Я тоже не хочу! В моей комнате есть печенье.

Мопс радостно подпрыгнул и побежал к двери оранжереи, которая ведет в один из сотни узких коридоров дома Меррисот. Собака кружилась на месте – ждала, когда Лили пойдет за ней.

– Да, да. Только тебе надо спрятаться, хорошо? – Лили присела около танцующего мопсика. – Послушай. Мне не разрешат тебя оставить, я уверена. Я даже спрашивать боюсь. Хотя это не так важно. Ты будешь моим секретом! Поняла? Потише, пожалуйста.

Собака важно кивнула, и Лили засмеялась. Какой же забавный песик! Но, увидев огромные сердитые черные глаза, она поняла, что задела самолюбие мопса, присела и примирительно стала объяснять:

– Прости, я не хотела смеяться. Просто все так странно! В смысле – я разговариваю с собакой. В моем случае это тем более странно, ведь я почти ни с кем не разговариваю. И у меня раньше не получалось колдовать… – Лили покачала головой. – Хотя и сейчас я не колдовала, это само получилось, я тут ни при чем! – Она наклонила голову и столкнулась носом с мопсом, чья шерсть блестела в вечерних лучах солнца. – Может, ты при чем?

Собака посмотрела на девочку и гавкнула – резко, требовательно, но в конце осеклась, будто вспомнив просьбу Лили вести себя тихо.

– Хочешь есть, да? – Девочка выпрямилась, мопс довольно закружился вокруг ее ног. – Тогда не отставай. И помни: если что – прячься!

Тонкой черной полоской собака прошмыгнула к окошку, схватила зубами пустую салфетку и, потащив ее за собой как развевающийся флаг, побежала обратно к девочке.

– Ого, отличная идея! – Лили наклонилась, подобрала салфетку и радостно улыбнулась: мопсик запрыгнул ей на руки и с любовью лизнул щеку.

Собачка устроилась на руках девочки, выпрямившись, будто королева – с таким же важным видом она сидела и на картине в коридоре. Лили осторожно положила салфетку на голову мопса.

– Если услышишь чьи-то шаги – просто пригнись, – тихо сказала она и выскользнула в коридор.

Лили быстро шла по дому – и никто не попадался ей на пути. Время послеобеденное – мать наверняка отдыхает, да и служанки с радостью воспользовались возможностью побездельничать – скорее всего, собрались сейчас на кухне и мешают миссис Портер.

Лили остановилась в коридоре между гостиной и библиотекой, с тревогой посмотрев на дверь библиотеки. Девочке казалось, мать – наверху, но никогда не знаешь наверняка… Ни звука. Чуть расслабившись, она подошла к позолоченной раме картины и заинтересованно на нее посмотрела. Собака тоже подняла глаза.

Девушка с картины осталась там же, а вот мопса в ее руках больше не было. Теперь девушка крепко сжимает стебель цветка. Кажется, она даже обвила его вокруг пальцев. Красивая нарисованная улыбка стала чуть напряженнее, а на розовом шелковом платье осталось темное пятнышко – след грязной лапки.

– Я не хотела тебя воровать… Кажется, она разозлилась! – виновато прошептала Лили, обращаясь к собаке.

Мопсик подался чуть вперед, поставил лапки на позолоченную раму и понюхал полотно. Потом осторожно его лизнул, заинтересованно склонив голову набок. Вдруг собака отпрянула от полотна – кажется, решила, что реальная жизнь намного лучше, нежели нарисованная картина.

Лили усмехнулась и прижала к себе песика. Она чувствовала, как под черной шерсткой двигаются мускулы. Собака не похожа ни на заклинание, ни на привидение, ни на выдумку. Она теплая, с ней уютно, она настоящая.

За дверью в библиотеку послышался легкий шорох, и Лили вздрогнула. Она резко развернулась, готовая в любую секунду броситься к лестнице. Но никто не вышел.

Девочка всматривалась в узкий коридор, размышляя, могла ли мать узнать, что она сделала, или нет. Кто-нибудь, наверное, заметит разозленную девушку на картине. Лили пошла к лестнице и громко вскрикнула, вжавшись в стенку, когда какая-то девочка пронеслась мимо нее. Собака, почуяв неладное, быстро юркнула под салфетку, но, не в силах скрыть интереса, высунула черный носик.

К счастью, девочка на лестнице совсем ничего не заметила. Она повернулась к Лили, бросила на нее мрачный взгляд и побежала дальше по коридору. Это была Джорджианна.

Разозленная Лили показала сестре язык и зашипела, от чего мопс сразу навострил уши. Джорджи могла хотя бы поздороваться! Наверное, она решила, что Лили не достойна ее внимания.

Джорджианна развернулась и посмотрела на сестру. В плохо освещенном коридоре, где лестница выкрашена в темные мрачные краски, лица сестры было почти не видно, но Лили показалось, что Джорджи похожа на привидение, и

девочка от испуга чуть не упала. Светлые волосы висели как солома, бледная кожа отсвечивала болезненным серым оттенком. Темные круги под глазами сильно выделялись.

– Ты плачешь? – спросила Лили, чувствуя укол вины. Почему Джорджи плачет?

Та издала странный звук, похожий на икоту, и взбежала по лестнице, задев сестру и собаку пышной юбкой. Лили вслушивалась в быстрые шаги Джорджианны, за которыми последовал сильный хлопок дверью.

– Что с ней такое? – недовольно пробормотала Лили. Она давным-давно не видела сестру. Сейчас к обиде, что Джорджи перестала уделять ей внимание, добавилось еще и волнение за нее.

– Не знаю. А кто она? – раздался из-под салфетки тихий голос. Мопс встряхнулся и, радостный, вылез наружу. – От нее вкусно пахло! – Лили в ужасе посмотрела на собаку. Глаза девочки стали такими же огромными, как и у мопса. – Что? – спросила собака, раздраженно осматривая коридор. – Знаю, с салфеткой на голове я выгляжу странно, но ты сама попросила меня спрятаться! Я старалась. Думаю, та девочка меня даже не заметила. Она была не в настроении что-либо замечать… – Онемевшая Лили кивнула. Собака искоса на нее посмотрела: – А, ты не думала, что я умею говорить?

– Да… – прошептала Лили. – Я даже не думала, что ты вообще появишься…

– Но ты же сама меня вызвала! – возразил мопс. – Я, конечно, тебе очень благодарна – правда, я совсем не помню своей жизни на картине, но думаю, это было безумно скучно. Потом ты меня позвала… – Собака неуверенно посмотрела на Лили. – Ты же не отправишь меня обратно на холст?

– Нет-нет, ни за что! – Лили отрицательно покачала головой и крепче прижала к себе это милое создание. – Пожалуйста, останься со мной. Я очень хотела, чтобы кто-нибудь ожил, но думала, что оживет твоя хозяйка – девушка в шелковом платье. Она интересная, а мне так хотелось с кем-нибудь поговорить! Не представляешь, как я удивлена. Понятия не имела, что магия сработает! – Лили нахмурилась. – А откуда ты пришла? В смысле, как это получилось?

Мопс потянулась:

– Это ты должна знать, а не я. Все получилось очень быстро. Я даже не могла сопротивляться – будто погналась за мячиком. Правда, мне кажется, что раньше я не могла говорить. Думаю, это твоя вина – ты же хотела с кем-нибудь поболтать!

– Но… кто ты?

Мопс уставилась на девочку с искренним удивлением:

– Эм. Собака.

– Да, но…

– Тебе придется с этим смириться. Это все, что я могу тебе сказать. Так что там с печеньем? И кто эта девочка? Похожая на грустную мышку?

Поднимаясь наверх, Лили вдруг споткнулась о ступеньку – она была слишком поглощена произошедшим и не видела, куда идет.

– Моя сестра Джорджианна. Мы теперь с ней редко видимся.

– А почему так? У Арабеллы – моей хозяйки, той девушки в розовом платье, – три сестры. Так от них было невозможно отделаться!

– Арабелла… – прошептала Лили. – Джорджи мне о ней рассказывала. Она сестра нашей прабабушки. Она была заклинательницей погоды и никогда в жизни не носила плащи. Вообще, все в семье Пауэров должны уметь управлять погодой, это наш дар…

Собака фыркнула:

– Вот еще, заклинания Арабеллы почти никогда не срабатывали. А почему ты перестала видеться с сестрой?

– Она очень занята. Учится. Джорджианна должна стать очень могущественной волшебницей, чтобы вернуть все, как было раньше.

– Раньше чего?

Лили остановилась на последней ступеньке.

– Верно, ты же не знаешь, что произошло. Декрет королевы… магия сейчас запрещена…

Собака с удивлением посмотрела на девочку, а потом недовольно проворчала:

– Что за ерунда?

– Это указ королевы Софии. Все произошло тридцать лет назад, после того, как маг по имени Мариус Гранже убил короля Альберта, отца королевы.

– И что, магия под запретом? Совсем-совсем? – недоверчиво спросила собака.

Лили кивнула:

– Совсем. Навсегда. Поэтому мама обучает Джорджи тайно, а папа в тюрьме. Вот почему мы никуда не выезжаем с острова.

Мопс вздрогнула и пошевелила усами.

– Вы больше не бываете в лондонском доме?

– У нас его больше нет. Семья потеряла много денег, а дом в Лондоне у нас отобрали. Как говорит Джорджи – его украли. Отец пытался добиться встречи с королевой, хотел сказать ей, что не все маги плохие. Но что-то пошло не так, и он попал за решетку. Нам помогает семья матери, но денег все равно мало. Мама жалуется, что мы превратились в нищих, но Марта, наша служанка, говорит, что это полнейшая чушь. Ведь у нищих, например, нет слуг! – Лили перевела дыхание и быстро спросила: – А как тебя зовут? Не могу же я звать тебя просто «собака».

Мопс застенчиво кивнула и посмотрела на девочку:

– Генриетта. Это имя выбрала для меня Арабелла.

Лили улыбнулась. Имя странное, вычурное, но подходит этому милому загадочному мопсику.

– Красивое! – сказала девочка и вздохнула. – Как думаешь, мне стоит поговорить с Джорджи?

Генриетта живо кивнула:

– Конечно! Мне интересно, почему она такая мрачная. Люблю знать, что происходит! Ты только представь, я столько лет была на полотне, совсем не знаю, что произошло за это время. Все так изменилось… И я бы не сказала, что в лучшую сторону! – добавила она, глядя на выцветшие обои, уже готовые вот-вот оторваться. – Хочу понять, что тут творится.

– Получается, когда ты была на картине, то ничего не видела? Ты была вроде как… неживой? – заинтересованно спросила Лили.

Генриетта нахмурилась. Ее пушистая шерстка вздыбилась, и у Лили появилось ощущение, что там можно спрятать целый клад.

– Иногда видела… Думаю, это происходило, когда на нас смотрел – в нас вглядывался – настоящий маг. Тогда я тоже обретала зрение. – Холодным носом она ткнулась Лили в щеку. – Вот тебя я видела.

Девочка покраснела:

– Мне нравилось тебя рассматривать. И Арабеллу тоже. Мне безумно хотелось, чтобы вы сошли с картины, но у меня плохо получается колдовать, в отличие от Джорджи.

Генриетта успокоила ее:

– Все у тебя получается. Это ее комната?

Лили кивнула и постучала в дверь. Ответом ей была тяжелая, настороженная тишина. Девочка дернула ручку, но дверь оказалась закрыта – странно, ведь ключ потеряли давным-давно. Джорджи, наверное, он все равно больше не нужен – она сможет закрыть дверь и без ключа. Лили задумчиво стукнула по дереву – интересно, какое заклинание наложила Джорджианна? Еще час назад Лили бы просто понуро ушла и не стала бороться с волшебством, но сейчас она не одна, а с Генриеттой. Девочка не совсем понимала, что это все значит, но смысл во всем происходящем точно есть. Ее палец что-то кольнуло, когда она провела им по двери, или Лили это померещилось?

– Не получается открыть, – прошептала она. – Но у меня есть идея.

Лили побежала по коридору к своей комнате – они с Джорджи соседки – и проскользнула внутрь. Утром она оставила окно открытым – чистейшее голубое небо обещало, что день будет жарким. Девочка посадила Генриетту на стул у высокого окна, и та с неприкрытым интересом огляделась.

– Хорошая комната. Думаю, спальня Арабеллы была в другой части дома. А твои окна выходят на розовый сад, да? Мы над голубой гостиной? Хотя пыли тут предостаточно! – и собака чихнула.

Лили вздохнула:

– Мало кто соглашается жить и работать на острове. Служанки должны подписать много бумаг – большинство отказываются. Они понимают – здесь происходит что-то странное, что-то нехорошее, и не хотят тут работать…

Генриетта задумчиво кивнула:

– Получается, ваши слуги знают про магию?

Лили пожала плечами:

– Да знают-то все, но об этом никогда не упоминают вслух. При маме, по крайней мере. Никто не рискнет. Когда к нам приезжает Королевская стража, чтобы проверить, как выполняется Декрет королевы, мама всегда стоит за служанками. Она складывает руки и прожигает девушек взглядом. Конечно же,

они молчат… – девочка улыбнулась. – Кстати, им хорошо платят. И это еще одна причина, почему у нас недостаточно прислуги, чтобы убирать мою комнату. – Лили огляделась. – Да, тут грязно, ты права. Иногда я сама тут убираюсь, но…

– Мне хочется еще раз взглянуть на твою сестру. – Черная собачка спрыгнула со стула и подошла к окну. – Говоришь, у тебя есть идея?

– Да. Вот, посмотри. Вот мой балкон, а вот балкон Джорджи. Они находятся рядом. – Лили ступила на подоконник и выглянула из окна. – Так, у Джорджи тоже окно открыто, – прошептала она.

Генриетта поставила лапки на подоконник и высунулась наружу.

– Для тебя они находятся близко, но, думаю, мне придется остаться тут. Мы, мопсы, не очень хорошо лазаем, я просто за тобой понаблюдаю. Уговори сестру открыть дверь – тогда ты сможешь впустить меня. – Вдруг она передернула ушами, и если раньше собака говорила как леди – приглушенно и мягко, то сейчас ее голос изменился, она почти шептала: – Я что-то слышу. Там, внизу.

На балконе Лили перегнулась через железные перила, пытаясь заглянуть в комнату сестры. Девочка задержала дыхание.

– Это мама… в голубой гостиной! – прошептала она.

– Там еще кто-то есть. Она с кем-то разговаривает. Тихо, слушай! – Довольная Генриетта положила подбородок на передние лапы.

Внизу, в гостиной, мать подошла к распахнутым настежь окнам. Лили села на пол, прислонилась к перилам и стала вслушиваться в слова, что парили в вечернем летнем воздухе.

– Мадам, как у нее дела? Есть улучшения?

– Это Мартина, мамина служанка! – прошептала Лили.

– Нет, почти нет. Я так надеялась…

Послышалось шуршание плотного шелка – это мама прошлась по комнате, и юбки прошелестели вслед за ней. Лили вздрогнула.

– О ком они говорят? О твоей сестре? – спросила Генриетта.

– Наверное.

На мгновение внизу воцарилась тишина. Потом мать снова подошла к окну, и ее голос, на удивление отчетливый, достиг ушей Лили.

– Хотелось бы мне сделать все самой…

Девочка поежилась. Это было похоже на начало заклинания – мамины слова проникли в сознание Лили необычными цветами и заклубились, как дым. Пытаясь их отогнать, Лили встряхнула головой и крепче вцепилась в перила. Наконец-то ее сознание очистилось.

– Но в пророчестве ясно сказано, что это должен быть ребенок. Я была твердо уверена, что это она! Провидица клялась, что она – то самое дитя, которого мы все так долго ждали. Наверное, она солгала. Мы всегда успеем отправить девчонку по стопам других, но жалко потерянного времени! – Мама глубоко и демонстративно вздохнула. – У меня кончается время. И дети, – она издала грустный смешок.

Лили нахмурилась и посмотрела на Генриетту – та возмущенно передернула ушами.

– О чем это они? Слышишь – звонок? Кто-то позвонил, она уходит из комнаты. Наверное, идет ужинать.

– Посмотри! – прошептала мопс и кивнула в сторону балкона Джорджи. – Как думаешь, она давно там сидит?

Лили развернулась, схватилась за перила и заглянула в балкон сестры. Он оказался шире, чем ее собственный, поэтому, пытаясь рассмотреть что-нибудь в комнате Джорджи, Лили даже не заметила, что в углу балкона притаился комок – сестра собственной персоной. Сжавшись, она сидела у стены, и ее светлые

волосы блестели в предгрозовом вечернем свете. Она подслушивала.

– Джорджи! Они ушли. Нам надо поговорить! Пожалуйста, открой дверь! Прости меня за грубость!

Но сестра даже не пошевелилась.

– Что ж, – недовольно прошептала Лили, – придется лезть самой. Попробую ее растормошить. Ей придется меня выслушать!

Девочка перекинула одну ногу через низкие перила.

– Осторожно! – Генриетта прижала уши. – Дом старый, трещит по швам, Лили, это небезопасно! И что ты собираешься делать дальше? Нет, ты не допрыгнешь. Стой!

Но Лили прыгнула. Раньше она прыгала только с яблонь в фруктовом саду. Правда, тогда она приземлялась в высокую траву, в которой лежали гнилые яблоки, а не на выложенный каменной плиткой пол балкона.

Одним локтем девочка зацепилась за перила и попыталась влезть на балкон, но пальцы предательски соскальзывали.

– Джорджи, помоги! – умоляюще звала сестру Лили, ее испуганный голос срывался на крик.

Но Джорджи, казалось, ее не видела и не слышала – взгляд устремлен в пустоту, глаза скрыты вуалью светлых волос.

Генриетта выпрыгнула из окна на балкон и теперь бегала по нему и в ужасе скулила, потом зашлась в громком злом лае, который будто поймал Лили за шею и царапнул ее. Девочка вздрогнула и сильнее схватилась за перила.

Вдруг Джорджи пошевелилась, взмахнула головой, стряхивая с глаз волосы, – казалось, она только что пробудилась от ночного кошмара.

– Лили!

Глава третья

– Что ты делаешь, идиотка? – закричала Джорджи и втащила сестру на балкон.

Пытаясь отдышаться, Лили села на каменный пол и потерла уставшие ладони. Она слабо хихикнула.

– Чего смеешься? – накинулась на нее Джорджи. – О чем ты только думала?! Ты же могла разбиться!

– Знаю. Забавно, ты первый раз ведешь себя как старшая сестра. Может, мне стоит чаще совершать глупости? – Лили улыбнулась и подняла взгляд на Джорджи, прислонившись к коленкам сестры. – Ты смогла бы поймать меня с помощью заклинания?

Джорджи села рядом и крепко обхватила колени.

– Не знаю, получилось бы у меня… – Она закрыла глаза, будто ей было больно смотреть на сестру. – Я бы точно попыталась. Конечно. Но у меня ничего не получается…

– Но пророчество… – начала Лили.

– Ошибочное, – Джорджи пожала плечами, – либо провидица была так напугана, что не захотела перечить маме. Мама боится, что найдется ребенок сильнее меня. Ведь в других семьях волшебников тоже есть дети… у Эндикоттов, например, девочка моего возраста…

– Вот как… – Лили задумчиво кивнула головой. – Поэтому мама так злится? Джорджи, что они от тебя хотят? – спросила она и нахмурилась.

Послышался скрежет когтей, и между стойками перил на балконе Лили просунулась мордочка Генриетты.

– Да! Мне тоже интересно!

Джорджи вскочила, чуть не споткнувшись о сестру, схватила ее и отпрянула вместе с ней к стене.

– Кто здесь? – спросила она.

– Джорджи, хватит! – Лили вырвалась из рук сестры и указала на собаку. – Вот, смотри. Это Генриетта, моя собака! – И она довольно и гордо улыбнулась. – Она вышла с картины, что висит в коридоре внизу, – помнишь девушку в розовом шелковом платье? Это Арабелла, сестра нашей прабабушки. Ты же знаешь ее, да? – Лили посмотрела на сестру: у той на бледном лице был написан ужас. – Что такое? А, думаешь, я ее украла? Арабелла, конечно, разозлилась, но что она может нам сделать, пока находится на картине? Ничего. Так что не волнуйся!

Но сестра неотрывно смотрела на Лили. Глаза Джорджи напоминали темно-фиолетовые глубокие пропасти.

– Ты вывела собаку с картины… Нашла свою магию? Нашла свой путь? – прошептала она, и ее лицо исказилось.

Лили кивнула.

– Ты злишься? – ослабевшим тонким голосом спросила она. – Если не хочешь, я не расскажу маме. Уверена, у тебя все еще получится! Возможно, дело просто в возрасте…

– Лили… – пробормотала Джорджи. Потом улыбнулась. – Собаку удар хватит, если мы ее сейчас же не вытащим!

Генриетта неодобрительно заскулила:

– Я застряну, если попытаюсь просунуть голову дальше! Какие же вы невоспитанные – шепчетесь, да еще и на другом балконе! Быстро возвращайтесь сюда! – Мопс, извиваясь, с трудом вытащила голову из стоек перил.

– Пойдем в мою комнату? – предложила Лили. – Поваляемся на кровати. Мы сто лет это не делали. Джорджи, пожалуйста!

Сестра кивнула и, перешагнув через окно в свою комнату, подала руку сестре, чтобы помочь перебраться с балкона.

Лили заинтересованно оглядела комнату: она сильно изменилась с тех пор, как девочка играла здесь с Джорджи в последний раз. На месте красивой мебели теперь стояли высокие башни из книг и газет. Повсюду расставлены стеклянные сосуды, на которых корочкой застыла старая магия – наверное, сестра усердно занималась в перерывах между уроками. Джорджи, не оглядываясь по сторонам, пробиралась между книгами к двери. Лили задержала дыхание, заметив, что белая фарфоровая дверная ручка обмотана красной нитью. Джорджи легко ее распутала – разве можно так просто разрушить заклинание? Когда девочка убрала нить, дверь распахнулась и Лили поймала сестру за руку.

– Видишь! У тебя получилось!

Джорджи пожала плечами:

– Тут ничего сложного нет, заклинание очень простое. У любого получится, надо только объяснить, как оно работает. У тебя тоже! – Она утвердительно кивнула. – Пойдем, нам надо поговорить! Какая я глупая, почему я раньше об этом не подумала?

– О чем? – прошептала Лили и пошла за Джорджианной по коридору к своей комнате.

Джорджи открыла дверь и подтолкнула Лили внутрь, потом прислонилась к двери, будто наконец почувствовала себя в безопасности. Кончиками пальцев она пробежалась по дверной раме и даже забралась на табуретку, чтобы достать до самого верха. В это время дверь на мгновение осветилась блеклой серебряной тенью, а потом погасла.

– Заклятие безмолвия… – прошептала Джорджи. – Закрой окно! Ой!

И вдруг рассмеялась, увидев, как Генриетта царапается, пытаясь забраться на подоконник. Черная собачка, забавно плюхнулась на пол, потом встала и засеменила на кривых лапках к Лили, не отводя огромных глаз от Джорджи.

– Видок у тебя, конечно… Волосы ужасно грязные! – неодобрительно фыркнула она.

Джорджи рукой пригладила прямые светлые волосы и покраснела.

– Я была занята… – прошептала она.

Генриетта снова фыркнула:

– Интересно, чем это? Неужели не нашлось ни минуты, чтобы сходить в душ?

Джорджи нахмурилась:

– Если честно, я не знаю… Думаю, мама наложила на меня какое-то заклятие. Я все время думала только об учебе, отрабатывала заклинания, пытаясь добиться идеала. Все остальное было неважно… – Она поежилась. – Иногда создается впечатление, что я наблюдаю за собой, будто парю в воздухе, смотрю на себя и думаю: «Бедная Джорджи… Ничего у нее не получается!» Мама, кажется, отчаялась, она злится. Возможно, думала, что ты меня отвлекаешь от занятий… – Она вытерла глаза рукавом. – Понятия не имею, сколько времени я уже в таком состоянии…

Лили посмотрела на сестру:

– Джорджи, я тебя все лето не видела. Именно тогда ты начала заниматься весь день, с утра до ночи. Казалось, ты ни с того ни с сего переехала жить в библиотеку. Когда ты последний раз гуляла?

Ошеломленная Джорджи пожала плечами.

– А когда мы встречались, ты просто проходила мимо, будто меня нет. Как сегодня, на лестнице.

– Все лето? – прошептала Джорджи. С ее щек мгновенно сошел румянец, она стала белее полотна, мешки под глазами ярко выделялись на мертвенно-бледном лице. – Получается, уже целый год, а у меня никаких улучшений… И я почти ничего не помню…

Джорджи покачнулась. Лили подбежала к сестре и усадила ее на кровать. Генриетта подпрыгнула и зацепилась когтями за покрывало. Она прожигала Лили взглядом, пока та не подняла ее. Мопс подбежала к Джорджи, села рядышком, положив лапы на колени девочки, и беспокойно ее оглядела.

– Почему сегодня ты увидела сестру? Что произошло?

Джорджи медленно покачала головой.

– Не знаю. Она просто появилась там, на лестнице. Казалось, все как обычно. Увидев ее, я удивилась, ведь мы так давно не разговаривали. Но я оставила внизу одну книгу, мне надо было сходить за ней, а потом… потом Лили на меня зашипела…

Одной рукой Лили крепко обняла сестру за плечи:

– Прости, пожалуйста. Я была очень грубой! Я не хотела тебя расстроить… по крайней мере, сильно…

Генриетта зашевелила ушами:

– Не извиняйся, Лили! Ты разрушила чары! Она должна тебя благодарить!

Джорджи руками сжала голову и до боли потянула волосы.

– Наверное, ты научилась управлять своей магией, поэтому я внезапно увидела тебя, ты разбила наложенное мамой заклинание.

Генриетта показала ослепительно белые зубы.

– Да, она умничка!

– Лили, храни это в секрете! – Джорджи быстро развернулась и схватила сестру, та от испуга откинулась назад и упала на подушки. Никогда раньше Джорджи не выглядела так странно – глаза потемнели и стали почти черными.

Генриетта, негромко зарычала, вцепившись в покрывало.

– Почему? – Лили поежилась. Неужели Джорджи ей завидует? Лили проглотила слезы. Она так надеялась, что старшая сестра будет ею гордиться! Когда Джорджи перестала с ней разговаривать, она пыталась убедить себя, что ненавидит сестру, ведь та ее бросила. Но по секрету – об этом секрете не знала даже сама Лили – ей просто хотелось доказать, что она тоже особенная.

Джорджи отпустила сестру и вздохнула.

– Я напугала тебя… – Будто извиняясь, она разгладила смятый рукав Лили. – Разве ты не видишь? Я выполняла все, о чем она меня просила. Я слова ей не говорила – хорошая, послушная дочь! Не смела ей перечить. А потом появилась ты – и я задумалась: а почему я это делала? Что ей вообще от меня нужно? Какая глупость! – Она засмеялась. – Уверена, ты думаешь так же. Ни у тебя, ни у Генриетты не получается скрывать эмоции.

Лили посмотрела на собаку – действительно, ее мордочка выражала неодобрение. Девочке показалось, мопсик готова подпрыгнуть – раз, два, три – и засыпать Джорджи вопросами. Но это сделала сама Лили.

– Ты что, серьезно не знаешь, к чему она тебя готовит? – недоверчиво спросила она. – Но ты же сама говорила… какая ужасная у нас королева, как сильно она ошибалась, что однажды все маги объединятся и докажут это. И ты собиралась вернуть все на свои места!

Джорджи кивнула:

– Я просто повторяла слова мамы. Лили, она каждый день мне это говорила! С самого рождения! Вечные слова о пророчестве, моем предназначении, нашем наследии… но что это значит? Что от меня требуется?!

– Почему ты не спросила ее?! – возмутилась Генриетта и сдвинула брови домиком.

Джорджи глубоко вдохнула воздух, будто собираясь что-то сказать, но потом положила подбородок на ладони и уставилась на одеяло. Когда она снова подняла лицо, ее глаза были обычного голубого цвета, хотя само лицо осталось таким же бледным.

– Думаю, потому что боялась. Но тут и чары постарались. Она не хотела, чтобы я ее спрашивала… Наверное, это что-то ужасное…

– Что, например? – Лили нахмурилась. – Мне всегда казалось, что ты должна стать гениальной волшебницей, овладеть магией настолько, что тебя никто не смог бы побороть. И тогда ты пошла бы к королеве и убедила ее, что магия не опасна. Волшебникам больше не пришлось бы прятаться, а ты стала бы главной. Отца бы помиловали, и все зажили счастливо…

Говоря это, Лили мечтательно улыбалась. В конце концов, это ее главная мечта. Но вдруг она поняла, как глупо прозвучали ее слова в темной грязной комнате, где на кровати сидят испуганная сестра и говорящая собака.

Генриетта фыркнула:

– Похоже на сказку.

Лили сглотнула – мир, созданный ее фантазией, быстро улетучился из головы.

– Да, наверное, это маловероятно. Но мама всегда говорила, что нас спасет Джорджи. Как еще она может это сделать? Особенно если у нее самой нет ответа на этот вопрос.

В спальне повисло молчание – все задумались.

– Может, мама тоже не знает, что можно сделать? – предположила Лили. – И просто надеется, что ты сама что-нибудь придумаешь?

Джорджи покачала головой.

– Вряд ли. Она говорит обо всем очень уверенно, будто знает, что делает. Что-то странное и очень опасное! – Она нахмурилась. – Я помню лишь какие-то намеки. Странные слова. Но сложить их воедино у меня не получается, несмотря на то, что Лили меня освободила.

Лили хихикнула: это прозвучало так, будто она расшнуровала Джорджи нижние юбки.

– Как думаешь, мама узнает, что я сделала? – внезапно спросила она, и сердце гулко забилось. – Во время следующего занятия она поймет, что ее чары разрушены? Что она скажет?

Джорджи взяла в рот прядь волос, не обратив внимания на неодобрительный рык Генриетты.

– Мне это помогает думать, извини! – наконец сказала она. – Нет, кажется нет. Если я буду осторожна и продолжу вести себя как раньше, она ничего не заподозрит. – Джорджи горько улыбнулась. – Мама всегда так сильно злится, что не заметит, даже если я вся посинею. А если и узнает, то я не скажу ей, что это ты. Ей не надо это знать. Не рассказывай никому о своей магии, держи в секрете – мне кажется, это правильное решение. Может, поэтому у меня получилось очнуться? – я вдруг поняла, что должна тебя защитить.

– Секреты – это хорошо. Если, конечно, я их тоже знаю, – вступила в разговор Генриетта. – Но не понимаю, почему так важно, чтобы никто не знал о способностях Лили?

Джорджи вздохнула:

– У меня особо ничего не получается, мама в бешенстве. Если я ей не понравлюсь, она возьмет Лили.

Та кивнула. Внутри нее всю будто разрывало. Ведь именно этого она жаждала всю жизнь – быть такой же особенной и важной, как Джорджи. И внезапно ей захотелось стать самой обычной…

– И все начнется заново… – задумчиво произнесла Генриетта.

Собака легла на кровать, вытянув лапы, как маленький китайский лев. Лили примостилась рядом, подперев голову ладонями, чтобы видеть сестру – та свернулась с другой стороны от мопси.

– Я ведь тоже не первая… – прошептала Джорджи и погладила Генриетту по пушистой голове.

Лили внимательно посмотрела на сестру:

– О чем ты?

Джорджи покачала головой, будто пытаясь что-то вспомнить.

– Мама что-то говорила… В моей голове целый рой странных обрывков воспоминаний – они появились, когда спало заклинание. Мама злится, ведь ей пришлось повторить все заново…

Лили вдруг выпрямилась и, возбужденная, чуть не захлебнулась в собственных словах:

– Да-да, верно! Она же только что сказала. Там, внизу, Мартине. Помнишь, она упомянула «других»? – Девочка поежилась и положила руку на спинку Генриетты, чтобы успокоиться. Собака вздрогнула, будто пальцы Лили были ледяные. – Джорджи, помнишь часовню? Могильные плиты с именами? Люси. И – и…

– Прюденс, – шепотом ответила Джорджи. – Но они же были совсем малышками!

– Джорджи, на плитах нет дат…

– Но вы бы помнили их, если б они были взрослыми, когда… умерли? – спросила Генриетта.

Джорджи с сомнением покачала головой:

– Сколько себя помню, плиты были там всегда. Может, когда мама их родила, она была совсем юной? Нет, все это глупость, у нас нет причин так думать. Мама была молодой, а девочки, совсем маленькие, просто умерли. Младенцы не выжили – такое бывает!

Лили с благодарностью кивнула. Она бы все отдала, только чтобы Джорджи оказалась права. Сейчас же ей хотелось лечь рядом с сестрой, погладить собаку и забыть обо всем. Но мысли отказывались повиноваться и продолжали водить хороводы в ее голове.

Добрая и пушистая собачка оказалась результатом заклинания. Внутри Лили растет магия, и рано или поздно мать об этом узнает.

И пусть мама разочаровалась в Джорджи, когда Лили дотронулась до сестры, кожа той осветилась волшебством – Лили его чувствовала, между ними что-то проскочило. Внутри нее есть странная и опасная магия, которая только подчеркивается мягкой и спокойной силой сестры.

Лили больше нельзя прятаться в оранжерее.

Глава четвертая

– Так-так!

В запястье Лили ткнулся холодный нос, и девочка вздрогнула.

– Что такое?

Она знакома с собакой всего несколько часов, но сразу поняла, что Генриетта недовольна.

– Ты, кажется, говорила что-то о печенье.

– Ой, прости!

Лили села на кровати, нашла на прикроватном столике спички и зажгла свечу, после чего вытащила старую блестящую коробку с печеньем.

Генриетта живо поднялась и замахала хвостом.

– Ого, с изюмом! Обожаю изюм!

Она осторожно взяла зубами печенье, что ей протянула Лили, и радостно им захрустела. Потом облизнула покрывало, собрав с него крошки. Собачка села перед девочкой и огромными доверчивыми глазами, что одновременно пылали любовью и голодом, посмотрела на нее.

– Что, еще хочешь? – Лили пожала плечами, вытащила печенье и, засмеявшись, поднесла его к черному носику.

– Я шестьдесят лет ничего не ела! Я безумно голодна! – жалобно отозвалась Генриетта. Вдруг она подпрыгнула и выхватила печенье из руки Лили. – Вот так! Что, не ожидала? – довольно спросила она, прожевывая печенье.

Когда Генриетта съела четыре печенья, а Лили с Джорджи – по две штуки, коробка опустела. Даже мопсу пришлось под конец это признать – она долго обнюхивала коробку изнутри, пытаясь убедиться, что ничего не осталось. Она тяжело вздохнула; зевая, прилегла на кровать и, довольная, облизнулась. Ясными глазами собака посмотрела на девочек.

– И что нам делать?

Джорджи перевела взгляд на Генриетту.

– Делать? – Ее голос дрогнул.

– Надо же что-то предпринять… – спокойно добавила Лили. – Нужно хотя бы узнать, что задумала мама. Джорджи, речь ведь идет о твоей жизни! Мы не можем позволить матери использовать тебя!

Генриетта покачала головой:

– Надо обязательно узнать, что маме надо от Джорджи, иначе мы просто не сможем ее спасти!

Уставшая Джорджи закрыла глаза.

– Я уже чуть ли не жалею, что встретилась с вами сегодня, – тихо сказала она. – С мамой было проще. Лили, ты строишь из себя главную, это невыносимо! Хотя собака еще хуже.

– «Собака» звучит грубовато! – фыркнула Генриетта. – У меня есть имя.

– Вот видишь! Ты напоминаешь приставучую гувернантку! Но ты права, – согласилась Джорджи, разглядывая собственные пальцы. – Я просто не хочу.

Генриетта пробежала по одеялу к Лили и прошептала ей на ухо:

– Ты раньше замечала, что твоя сестра – нытик?

– Ты тоже была бы нытиком, если б на тебя наложили заклинание и заставили непрерывно учиться! – возразила Лили, защищая сестру. Хотя в чем-то она была с ней согласна.

– Наверное, поэтому у нее ничего не получается. У нее решимости не хватает! – добавила Генриетта чуть громче.

– Нечестно! – отрезала Лили, но у нее было странное неприятное ощущение, что Генриетта права.

– Она права, Лили. – Джорджи, услышав их диалог, засмеялась. – Покажи маме, чему ты научилась. Ты лучше меня. Правда, вряд ли у нее получится заколдовать тебя – ты направишь заклинание ей прямо в лицо! Ты очень на нее похожа. Такая же решительная.

– Мне просто интересно, что происходит! – настаивала на своем Лили. – Если не хочешь спрашивать, надо найти другой способ все узнать.

Джорджи снова взяла волосы в рот – целую прядь и начала их покусывать. В этот момент она еще больше стала похожа на мышку, и Лили обеспокоенно оглядела сестру. Как бы ей ни хотелось, чтобы Генриетта оказалась права, Лили понимала – Джорджи совсем не похожа на соучастницу преступного сговора, скорее на испуганную двенадцатилетку, которая упадет в обморок от одного лишь чужого крика.

– Какой? – пробормотала Джорджи, не выпуская изо рта волосы.

– Когда ты в библиотеке, мама, наверное, за тобой наблюдает, и ты не сможешь поискать улики. Надо пробраться туда, когда ее нет, – задумчиво произнесла Лили.

Джорджи подтянула колени к груди и обхватила их. Из кружевных рукавов показались тонкие дрожащие запястья.

– Это обязательно?

Генриетта изящно фыркнула.

– Началось, – прошептала она Лили.

Девочка хотела приложить палец ко рту собаки, но вместо этого наткнулась на ее холодный мокрый нос и рассмеялась. Генриетта прижалась к Лили и пообещала:

– Я помогу тебе!

Джорджи напряженно посмотрела на мопса серо-голубыми, будто дымчатыми, глазами, напомнившими Лили гальку у берега.

– Я тоже помогу! Ты еще не видела нашу маму. Ты даже не представляешь, на что решилась!

Генриетта снова фыркнула, но тут же вздрогнула – забеспокоилась.

– Надо дождаться, когда мама уйдет из библиотеки, – тихо предложила Лили, и Джорджи неохотно кивнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vebb_holli/lili-i-zapretnaya-magiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить